

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

И

РЕДКОЛЛЕГИИ В СОСТАВЕ
С. Д. БАЛУХАТОГО, Е. Д. ЗОЗУЛИ,
М. Е. КОЛЬЦОВА и Г. Б. САНДОМИРСКОГО

ТОМ II

*ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „ОГОНЕК“
ЗА 1929 ГОД*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1929—ЛЕНИНГРАД

КАК ПИСАЛ ЧЕХОВ

Проследить, как возникали, из чего и как складывались рассказы и повести Чехова — задача чрезвычайно завлекательная. Откуда пришли эти по-настоящему живые люди, с которыми мы встречаемся на страницах художественного произведения? Как они возникли в этом мире? Ведь как ни странно, а в памяти человеческой гораздо отчетливей и ярче живут герои художественных произведений, чем настоящие живые герои. Дмитрий Самозванец Пушкина всем нам ближе, понятнее и яснее, чем Дмитрий Самозванец действительный. Всякий исторический герой только тогда начинает жить по-настоящему в памяти людей, когда он пройдет через творчество того или иного большого художника.

В произведениях Чехова живут — по-настоящему живут — несколько сот персонажей. Мы знаем их. Мы волновались вместе с ними, негодовали, радовались, грустили. Эти никогда не бывшие в мире люди нам близки в той или иной мере. Чехов нас заставил поверить, что они жили — эти люди, и жили именно вот так, как рассказывал о них автор, а не иначе.

И какая поучительная и заманчивая картина раскроется перед нами, когда мы проникнем в мастерскую великого художника слова и проследим процесс создания этих героев.

Русские художники слова чрезвычайно стыдливы. Почти никто из них не рассказывал нам, как он работает, то есть, как находит сюжеты, как собирает материал, как обрабатывает и располагает его. В иностранной литературе мы имеем такие признания, как статья Эдгара По о его работе над поэмой «Ворон», статья, раскрывающая самые глубокие стороны творческого процесса. В русской литературе нет, к сожалению, даже ничего приблизительного. Лишь в последнее время появилась первая ласточка — прекрасная статья Маяковского о его работе над стихотворением «Сергею Есенину»

Чехов тоже принадлежал к числу тех, кто не пускал почти никого в свою мастерскую. Сам он говорил очень скупое о процессе своей работы. Его творческий процесс мы можем проследить лишь по его рукописям, записным книжкам, немногим свидетельствам современников и отдельным скудным замечаниям и письмам самого Чехова.

Работа Чехова, как и всякого писателя, проходит два этапа. Первый этап — когда в воображении писателя вдруг — по какому-то наитию мелькнет образ, заденет самую сокровенную струну его существа, развернется в целую картину, начинает жить настоящей живой жизнью, — образ, никогда раньше не существовавший в мире. Иногда совсем незначительный случай бывает поводом к созданию большого произведения. Вот разительные примеры того, как возникают образы: художник Суриков однажды увидел на снегу ворону. Он заинтересовался игрой света на снегу и на вороньих перьях. Он смотрел напряженно. Вдруг в его воображении возникли сани, в санях — боярыня Морозова, вокруг саней толпа, — и сюжет знаменитой картины «Боярыня Морозова» был готов.

Или другой пример: в дождливый осенний вечер поэт Тютчев возвращался домой на извозчикьих дрожках. Он почти весь промок... Внешнее ощущение капель осеннего дождя вдруг напомнило ему человеческие слезы, ощущение облеклось в музыкальные звуки, и в голове поэта сразу сложилось чудесное стихотворение: «Слезы людские, о слезы людские, льетесь вы ранней и поздней порой...»

Откуда и как является этот первый образ? Пока нет возможности правильно объяснить. Здесь пока лежит непроницаемая тайна.

К счастью, подобный процесс возникновения образов знаком каждому человеку. Каждый из нас в той или иной мере обладает фантазией. Последите за собой, — вы увидите, как незначительные случаи вдруг рождают отдельный образ. Ребенок услышал, как в соседней комнате что-то стукнуло, он испуганно прислушивается, и в его воображении сразу возникают страшные видения.

Идете вы по улице, — случайно услышанное слово из уст прохожего заставляет вас думать о чужой жизни, и перед вами возникают сцены, картины...

Это знакомо всем.

И Чехов, как чуткий художник, в высшей степени обладал этой способностью — по случайной мелочи создавать целые рассказы и повести...

Уже в детстве он был «неистощим на выдумки».

«Он по целым часам мог рассказывать разные истории со всеми типическими деталями. Особенно интересно у него выходили вариации о сотворении мира, когда коринка и изюм были похожи до такой степени, что их невозможно было отличить, и когда луну должны были отмывать прачки... Он в несколько минут превращался в зубного врача, сосредоточенно раскладывающего на столе свои зубо врачебные инструменты. В это время в передней раздавался слезливый стон, и в комнате появлялся старший брат Александр — с подвязанной щекой. Антон с пресерьезным видом успокаивал пациента, брал в руки щипцы для углей и... начиналась «хирургия», от которой присутствующие покатывались от смеха».

«Он был неистощим на затеи, он устраивал шутливые лекции, веселившие его домашних».

Так в детстве и ранней юности начала проявляться творческая фантазия будущего писателя.

Дальше — идут ранние попытки писать, словесные «выдумки» уже облекаются в рассказы. Чехову уже необходим тот или иной законченный сюжет. Веселый, задорный молодой Чехов пишет по рассказу в день, что для большого художника является почти небывалым случаем. Богатство фантазии, «неистощимость на выдумки» здесь как раз пригодились. Откуда Чехов берет свои сюжеты? В самом деле, чтобы писать каждый день по занимательному рассказу, надо иметь действительно неистощимую фантазию. «Он писал очень много и очень быстро». «Покажется ему что-нибудь смешным, он садится за стол и быстро пишет рассказ». «Бывало, — рассказывает мать писателя, — еще студентом Антоша сидит за чаем и вдруг задумается, смотрит прямо в глаза, а я знаю, что это он уже ничего не видит. Потом достанет из кармана книжку и быстро, быстро пишет...»

В более зрелые годы, когда кончился период юмористических рассказиков и началась уже настоящая творческая пора, Чехов любил обдумывать свои сюжеты во время прогулок за грибами, или в церкви — во время всенощной, или за рыбной ловлей.

Жизнь давала ему бесконечное количество сюжетов.

Он шутливо предлагал своим друзьям-писателям:

— Купите у меня сюжет рассказа. Дешево уступлю. Особенно если оптом... У меня несколько книжек записных с сюжетами.

Уже перед концом жизни он однажды, показывая свои записные книжки писателю Гарину-Михайловскому, сказал:

— Листов на пятьсот еще неиспользованного материала...

И теперь, когда мы уже знаем приблизительно содержание записных книжек, мы невольно удивляемся богатству и неистощимости фантазии художника.

Даже за несколько часов до смерти творческая фантазия не оставляла Чехова. Вот что пишет О. Л. Книппер-Чехова:

«После трех тяжелых тревожных дней (проведенных в Баден-вейлере), ему стало легче к вечеру. Он послал меня пробежаться по парку, так как я не отлучалась от него эти дни, и когда я пришла, он все беспокоился, почему я не иду ужинать, но я ответила, что гонг еще не прозвонил. Гонг, как оказалось после, мы просто прослушали, а Антон Павлович начал придумывать рассказ, описывая необычно модный курорт, где много сытых жирных банкиров, здоровых, любящих хорошо поесть, краснощеких англичан и американцев, и вот все они — кто с экскурсии, кто с катанья, с пешеходной прогулки, одним словом отовсюду собираются с мечтой хорошо и сытно поесть после физической усталости. И тут вдруг оказывается, что повар сбежал, и ужина никакого нет, — и вот как этот удар по желудку отразился на всех этих избалованных людях. Я сидела, прикорнувши на диване, и от души смеялась. И в голову не могло притти, что через несколько часов я буду стоять перед телом Чехова».

Этот рассказ очень характерен. Яркая неистребимая творческая фантазия прошла через всю жизнь Чехова — от раннего детства до самой смерти.

Но чтобы быть настоящим художником, мало обладать одной творческой фантазией. Или, вернее сказать, творческая фантазия — это лишь первая ступень той высокой лестницы, по которой художник идет в своем творчестве.

Самая большая и самая трудная задача художника — это воплощение образов своей фантазии на бумаге, т. е. самый процесс писания рассказов, повестей, романов. Эта работа является вторым и самым важным этапом художественного творчества.

Как же Чехов воплощал свои образы? Мы уже указали, как в детстве и ранней юности «неистощимый на выдумки» Чехов просто рассказывал разные истории со всеми типическими

деталлями, или изображал в «лицах» различных персонажей, или читал шутливые лекции...

Уже тогда он понял, на чем держится художественное ро-
пложение. Оно держится в значительной мере на типических
деталлях.

Первый рассказ, написанный Чеховым, — «Письмо к ученому
соседу», — является передачей почти слово в слово его шутливой
лекции. Этот рассказ был написан Чеховым в первую же зиму
по его приезде в Москву. «Я помню, — пишет М. П. Чехов, —
с каким нетерпением брат ожидал в почтовом ящике «Стрекозы»
ответа от редактора. И ответ этот скоро был напечатан: «Совсем
недурно, благословляем и на дальнейшее сподвижничество». Так
началась литературная карьера Чехова.

За пять первых лет работы в мелких журналах и газетах
Чехов, по его же словам, перепробовал все: «писал и повести,
и рассказы, и водевили, и передовые, и всякую ернду, включая
сюда комаров и мух для «Стрекозы».

Об этом периоде он вспоминал впоследствии, как о времени
необычайно легкой работы.

«Прежде бывало я писал, как птица поет. Сяду и пишу. Не
думаю, как и о чем. Само писалось. Я мог писать когда угодно.
Написать очерк, рассказ, сцену мне не стоило никакого труда...»

Это «бездумное» писание, конечно, не всегда было удачно.

В почтовом ящике той же «Стрекозы» за 1880 год были поме-
щены такие ответы Чехову:

«Несколько строк не искупают непроходимого словотолче-
ния». — «Очень длинно и бесцветно, нечто вроде бумажной
ленты, китайцем изво рта вытянутой». — «Не расцветши, увидае-
те. Очень жаль. Нельзя писать без критического отношения к
своему делу».

Но эти маленькие неудачи уже не могли смутить Чехова; —
он напряженно, с героическим усилием строил свой литературный
путь. Правда, к своему писанию он еще относился почти исклю-
чительно как к средству для добывания денег.

Его псевдоним «Антоша Чехонте», его фраза в письме к Лей-
кину: «рассказиков напеку» — указывают, что он в самом деле
смотрел на свою работу со всем легкомыслием молодости, как на
«печенье рассказиков»...

Как создавались им рассказы этого периода?

Короленко в своих воспоминаниях сообщает по этому поводу:

«—Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? — спросил его Антон Павлович. — Вот.

«Он оглянул стол, взял в руки первую попавшую на глаза вещь, — это оказалась пепельница — поставил ее передо мной и сказал:

«— Хотите, завтра будет рассказ под заглавием «Пепельница»?

«И глаза его засветились весельем. Казалось, над пепельницей уже начинают роиться какие-то неопределенные образы, положения, приключения, еще не нашедшие своих форм, но уже с готовым юмористическим содержанием...»

При каких условиях шла работа в эти первые годы, сам Чехов рассказывает в одном из писем к Лейкину:

«Пишу при самых гнусных условиях. Передо мной моя нелитературная работа, хлопающая немилосердно по совести, в соседней комнате кричит детеныш приехавшего погостить родича, в другой комнате отец читает матери вслух «Запечатленного ангела», кто-то завел шкатулку, и я слышу «Елену прекрасную». Для пишущего человека гнусней этой обстановки и придумать трудно что-либо...»

Но несмотря на эту исключительную обстановку, несмотря на крайнюю спешку, работа двигалась успешно, — выручали талант, сила, юмор.

Конечно, произведения этого периода не носят и следа художественной обработки, — здесь «только была масса форсированной работы, но не было ни одной минуты серьезного труда».

Язык рассказов почти газетный. В каждом рассказе видна только погоня за смешным положением героя. И когда в этот первый период однажды Чехов написал два серьезных рассказа и послал их Лейкину, он в сопроводительном письме старательно объяснял, почему рассказы вышли необычные, т. е. не юмористические: «Трудно за юмором утоняться. Иной раз погонишься за юмором, да самому тошно станет».

Чехов сам признается: «Рукописи я не перебеливаю. Чаще всего я отсылаю черновики. Я пишу обыкновенно наотмашь». В эти годы один рассказ был написан Чеховым в купальне, лежа, карандашом, и так без поправок послан в редакцию, — работа действительно наотмашь.

«Я мог писать когда угодно. Я, как молодой теленок или жеребенок, выпущенный на зеленый и светлый простор, прыгал, скакал, брыкался, махал хвостом, мотал смешно головой. Смеялся

сам и смешил окружающих. Я брал жизнь и, не задумываясь над нею, тормозил ее туда и сюда. Щипал ее, щекотал, хватал за бока, тыкал пальцем в бока, под грудь, хлопал по животу. Было самому весело и со стороны, должно быть, выходило смешно.

Но уже и в эти — в смысле творческом — беззаботные годы он все чаще и чаще начинает задумываться о жизни, о творчестве, о творческих путях. Своему брату Александру Павловичу он уже советует побольше и внимательней работать над рассказами, «переписывать их по 2—3 раза». Этот совет — первая ласточка, указывающая, что и для самого Чехова наступает пора серьезного творчества.

Количество журналов, в которых он участвует, начинает умножаться. На четвертом году своей литературной деятельности он уже много пишет в «Осколках» — лучшем юмористическом журнале того времени, он пытается издать книжку своих рассказов... А в книжку уже не поместишь рассказ, написанный «наотмашь». Книжка требует серьезного выбора и, следовательно, серьезной работы.

И работа с этого времени в самом деле начинается более углубленная. Один из биографов пишет о работе Чехова в этот период:

«Ему нужны были непрерывные новые впечатления, и он стал их черпать для своих сюжетов из той жизни, что окружала его в Воскресенске, где он проводил лето у брата Ивана Павловича, служившего учителем. Он работает в земской больнице, — работа сближает его с крестьянами, с врачами, больными, фельдшерами». «Нередко он садился на табуретку в кабинете врача, в каком-нибудь свободном уголке и оттуда наблюдал за работой врачей и студентов».

А вот что пишет сам Чехов:

«Природа кругом великолепная. Простор и полное отсутствие дачников. Грибы, рыбная ловля и земская лечебница. Монастырь поэтичен. Стоя за всеобщей в полумраке галлерей и сводов, я придумываю темы для «звуков сладких». Тем много...» — «Вечером хожу на почту к Андрею Егорычу, копаюсь в корреспонденции. Андрей Егорыч дал мне тему для рассказа «Экзамен на чин»...»

Одно время Чехов, заменяя звенигородского врача, заведывал земской лечебницей и по должности должен был ездить на вскрытия и быть экспертом на суде. На впечатлениях этой жизни построены его рассказы «Мертвое тело», «На вскрытии»

и другие. Он относился к этим впечатлениям, как журналист. Он даже знал, сколько строк даст опытному литератору то или иное впечатление. Приглашая Лейкина в Звенигород, он пишет: «Приезжайте. Но заранее предупреждаю: удобства на пути не найдете. Дороги и города хуже худшего, но зато масса беллетристического материала. Если переночуете у меня, то свожу вас в больницу на приемку (рассказ на 300 строк)».

У него уже начинают складываться признаки серьезного литератора. Он ищет уединения. Он уже не пишет на уголке стола, на котором пьют чай. Он работает, как и прежде, много и настойчиво, но попрежнему главным побудителем этой большой работы является материальная необеспеченность. У Чехова в этот период еще не было сознания важности его работы...

Следующие три лета подряд Чехов проводит в Бабкине, недалеко от Воскресенска. Бабкинский период его жизни надо считать одним из самых счастливых в жизни писателя. Веселый, жизнерадостный, здоровый, он живет среди прекрасной природы, общаясь с культурными людьми. Целый kaleidoscope лиц и картин проходит перед ним. По истине «в нем все рождало вдохновение», — и рассказы владельца Бабкина Киселева, давшего ему темы «Смерть чиновника» и «Володя», и деревенские события, описанные потом в рассказах «Налим», «Дочь Альбиона», «Скорая помощь» и другие. «Охотник Иван Гаврилович, садовники, плотники, мужики, больные бабы, приходившие лечиться, наконец сама природа: река, лес, соловьи, голубые дали, Ботаровский омут, — все это давало Антону Павловичу сюжеты».

Он уже был в это время сотрудником «Петербургской газеты», а это обстоятельство давало ему возможность писать не только юмористические рассказы, но рассказы вообще. Переход от юмористики к истинно художественной работе наметился именно в этот бабкинский период. Рассказы становятся больше по размерам, углубленнее по содержанию. Но подписываются они все тем же легкомысленным псевдонимом «Антоша Чехонте».

Эти рассказы наконец привлекли внимание читателей. Среди петербургских литераторов понемногу начали интересоваться и самой личностью автора:

Кто такой? Где живет? Что за странный псевдоним?

Когда в «Петербургской газете» появился рассказ «Егерь», Григорович поехал к Суворину, начал просить: «Пригласите Чехова. Прочтите его «Егерь». Грех не пригласить».

И Суворин пригласил Чехова в «Новое время». Чехов послал рассказ «Панихида». Редакция попросила разрешения вместо «Чехонте» поставить подпись «Чехов»... Автор разрешил.

И — безотглядная, бездумная пора веселого творчества кончилась навсегда. «Прежде он писал быстро, как бы мимоходом, как пишет журналист». Теперь «стал все больше и больше обрабатывать свои рассказы».

Появились колебания. Появилась неуверенность, столь свойственная истинным художникам слова на первых порах серьезной работы.

«Прежде, когда я не знал, что меня читают и судят, я писал безмятежно, словно блины ел; теперь же пишу и боюсь». «Я был поражен приемом, который оказали мне питерцы. И мне жутко стало, что я писал небрежно, спустя рукава. Знай я, что меня читают, я писал бы не так на заказ».

Своему брату он советует: «По возможности бди, блюди, пыжи, по пяти раз переписывая, сокращая, памятуя, что весь Питер следит за работой братьев Чеховых».

Наконец в эти первые месяцы работы в «Новом времени» приходит письмо Григоровича:

«Вы призваны к тому, чтобы дать несколько превосходных истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. Вам нужно уважение и талант, который дается редко, бросьте срочную работу. Голодайте лучше. Поберегите ваши впечатления для труда обдуманного, обделанного, писанного не в один присест; но писанного в счастливые часы внутреннего настроения. Один такой труд будет во сто раз выше оценен, чем сотня превосходных рассказов, разбросанных по газетам».

Письмо произвело на Чехова сильное впечатление.

«Ваше письмо, мой добрый, горячо любимый благовеститель, поразило меня, как молния, — писал он в ответ Григоровичу, — я как в чад. Если у меня есть дар, который следует уважать, то каюсь перед чистотою вашего сердца, я доселе не уважал его. Я чувствовал, что он у меня есть, но привык считать его ничтожным. Доселе я относился к своей литературной работе крайне легкомысленно, небрежно, зря. Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который вам понравился, я писал в купальне. Как репортеры пишут свои заметки, так я писал свои рассказы...»

Письмо Григоровича было почти гранью между талантливым юмористом «Антошей Чехонте» и писателем Чеховым. Собственно, с этой поры Чехов по-настоящему задумывается над своей творческой работой, с этого времени начинает вырабатывать свое писательское credo.

За шесть предыдущих лет он уже, конечно, блестяще постиг механику рассказа. Пусть он писал небрежно, «наотмашь», но даже небрежная работа всегда требовала известных приемов, и теперь при начале новой, уже ответственной, работы Чехов как бы подводит итоги достигнутого. Как надо писать? У него уже есть уверенный ответ на этот вопрос:

«Описания природы должны быть кратки и иметь характер à propos, — пишет он своему брату Александру Павловичу. — Общие места вроде: «Заходящее солнце, купаясь в волнах темнеющего моря, заливало багровым золотом...» — «Ласточки, летая над поверхностью воды, весело чирикали», — такие общие места надо бросить. В описании природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы, по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты пишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка. Природа является одушевленной, если ты не брезгуешь употребить сравнения явлений ее с человеческими действиями. В сфере психики тоже (должны быть) частности. Храни бог от общих мест. Лучше всего избегать описания душевного состояния героев. Нужно стараться, чтобы оно было понятно из действия героев. Не нужно гоняться за обилием действующих лиц».

Это уже целый канон писательского ремесла. В письме даны уже тончайшие наблюдения над фразой и словом. Это желание приглушить тона, избежать общих мест указывает на высокий вкус автора, хотя он и называет себя в этом же письме «пижоном, которому простительно возиться с дребеденью», т. е. с маленькими рассказами. Но и детали он требует лишь самые необходимые. «Если у вас в первом действии есть ружье, то в третьем или четвертом действии оно должно выстрелить. В противном случае и упоминать о ружье не надо».

Выход книги «Пестрые рассказы» и появление пяти крупных рассказов в «Новом времени» обратили общее внимание на Чехова. Его приглашают всюду. Он пишет и пьесу для Корша, и повесть

для «Русской мысли», и рассказы для «Нового времени», «Петербургской газеты», «Осколков», «Будильника» и прочих органов. «Пишу много и долго, — говорит он, — но мечусь, как угорелый: начинаю одно, не кончив другое»...

Однако, несмотря на такую спешку, Чехов уже пишет теперь, «тщательно обдумывая каждую фразу и медленно нанизывая их, как медленно нанизывают тонкие искусные пальцы драгоценный жемчуг». Но, работая медленно и вдумчиво, он попрежнему не делал из своей работы ни таинства, ни священнодействия. Он мог работать на людях. Он не делал секрета ни из своих тем, ни из своих записных книжек. Так, своему собрату по работе Лазареву-Грузинскому однажды он рассказал содержание романа, который собирался написать. Или в другой раз он показал ему же тоненькую тетрадку — записную книжку — первый прообраз тех записных книжек, которые Чехов систематически вел с 1891 года до конца своей жизни. В книжке были записаны темы, остроумные мысли, афоризмы, приходившие Чехову в голову. Одна фраза из тетради — «все рыжие собаки лают тенором» — вскоре встретила на последних страницах «Степи».

Так все основные вехи писательского ремесла были открыты и установлены Чеховым уже к этому — первому году работы в «большой литературе». Эти вехи — сюжет, частности, правдивость построения, манера зарисовывать пейзаж — ко всему этому уже был найден правильный подход. Эти кирпичи большой художественной стройки уже крепко ложились на свои места.

И, как цемент для стройки, у Чехова уже выработался к этому времени замечательно правильный подход к художественной литературе вообще и, следовательно, к своей работе в частности.

«Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная. Литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель. Он человек обязанный, законтрактованный сознанием своего долга и совести». — «Литератор должен быть так же объективен, как химик». — «Дело беллетриста изобразить только кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком». —

«Художественная литература должна только правильно ставить вопросы, а решать их будут уже присяжные судьи».

Весь дальнейший литературный путь Чехов проходит, оглядываясь именно на эти вехи.

Сюжет и все детали (частности) своих рассказов он брал отовсюду. (Вся жизнь — сюжет!) В свои записные книжки он записывал все, что так или иначе могло пригодиться для его работы. Словами героя «Чайки» Тригорина он с замечательной искренностью и правдивостью рассказал, в сущности, о своей работе — об этом вечно волнующем творческом зуде, что переживает каждый писатель.

«День и ночь одолевает меня одна неотвязная мысль: я должен писать, я должен писать, я должен. Пишу непрерывно, как на перекладных, и иначе не могу... Вот я с вами, я волнуюсь, а между тем каждое мгновение помню, что меня ждет неоконченная повесть. Вижу вот облако, похожее на рояль. Думаю: надо будет упомянуть в рассказе, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнет гелиотропом. Скорее мотаю на ус: приторный запах, вдовий цвет, надо упомянуть при описании летнего вечера. Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовку: авось пригодится!»

В письмах Чехова и воспоминаниях о нем мы находим массу фактов, говорящих о том же, что вот именно такой постоянный позыв к творчеству испытывал сам Чехов.

— Надо работать много, упорно, каждый день.

— Работать надо непрерывно.

— Печатать можно немного, но работать как можно больше.

Он работал всегда, даже во время путешествий по загранице. «Тут бы, кажется, отдохнуть, забыться, ан нет, — в голове ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет». Он работает при гостях, в поездках, — каждый день непрерывно.

Проследим на ряде крупных рассказов, как шла эта постоянная, очень беспокойная и по существу очень тяжелая работа.

Во второй период своей деятельности Чехов работал главным образом по воспоминаниям и притом по воспоминаниям только личным, — что сам пережил, что сам видел. Он многие и многие годы, как оназдалось, вынашивал свои сюжеты. Так сюжет рассказа «Архиерей» он вынашивал целых пятнадцать лет.

«Мне нужно, — говорит он, — чтобы время и память отсеяли все неважное, чтобы на решетке осталось только золото воспоминаний».

И первая крупная вещь Чехова «Степь» именно построена вся на воспоминаниях.

«Я взялся описывать степь, степных людей и то, что я пережил в степи, — пишет он Короленко. — Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от непривычки писать длинно, от страха написать лишнее я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоняя друг друга, портят общее впечатление».

«В небольшой повести я изображаю степь, степных людей, птиц, ночи, грозы и пр.».

В самом деле, читая «Степь», мы чувствуем, как вокруг нас пахнет травой, сеном, слышим, как трещат кузнечики, катится экипаж по мягкой степной дороге, как из-за горизонта поднимается туча, заволакивает небо. Мы полны степных впечатлений. Чем это достигается? Тончайшей передачей частных, замечательной искренностью и простотой, — главным образом. Мы верим, что именно так, а не иначе говорил отец Христофор, воячки, кучер, Моисей. Будучи мальчиком, Чехов сам множество раз проезжал по степи — он заметил эти детали, запомнил, отобрал все характерное и дал эту «Степную энциклопедию», как он сам называл иногда повесть «Степь».

Замечательную историю создания «Черного монаха» рассказывал М. П. Чехов в своей книге «Антон Чехов и его сюжеты».

«Антон Павлович очень нервничал. Он плохо спал по ночам. Его, как он говорил, «дергало». Какая-то сила вдруг подбрасывала его на постели на целые четверть аршина, внутри его что-то обрывалось, он вскакивал и долго уже не мог уснуть. Но, как бы то ни было, жизнь с приездом гостей шла для него в Мелихове интересно, и этот интерес достигал своей высшей точки с приездом Лики Мизиновой и Потапенки. Потапенко пел, играл на скрипке, острил. Обыкновенно случалось так, что когда он и Мизинова приезжали в Мелихово, то Лика садилась за рояль и начинала петь входившую тогда в моду «Валахскую легенду» Брага.

В этой легенде больная девушка слышит в бреду доносящуюся до нее с неба песнь ангелов, просит мать выйти на балкон и узнать, откуда несутся эти звуки, но мать не понимает ее,

и девушка в разочаровании забывается снова в больном, беспокойном сне.

Обыкновенно вторую партию в этой легенде играл Потапенко на скрипке.

Выходило очень хорошо. В доме поют красивый романс, а в открытые окна слышатся крики птиц и доносится действительно одурманивающий аромат цветов.

Антону Павловичу очень нравился этот романс, и он находил в нем что-то мистическое, располагавшее к мысли о потустороннем.

Жил постоянно в Мелихове большой неудачник Иваненко (прототип Епиходова в «Вишневом саду»). Это был добрый несчастный человек. Обыкновенно он, вспоминая о своих родителях, говорил, как его отец, вечно всем недовольный на своем хуторе, выйдет, бывало, на крыльцо, разведет руками и закричит:

— Черти! Пересквернили, перепоганили, перемерзли! Пропал сад! Погиб сад!

Как-то раз, когда в летний тихий безоблачный вечер солнце красным громадным кругом приблизилось к горизонту, среди нас возник в Мелихове вопрос, почему, когда солнце садится, то бывает красное и гораздо больших размеров, чем днем. После долгих дебатов решили, что в такие моменты солнце уже находится под горизонтом, но так как воздух представляет собою для него то же, что и стеклянная призма для свечи, то, преломляясь сквозь призму воздуха, солнце становится для нас видимым из-под горизонта, но уже потерявшим свою естественную окраску и гораздо больших размеров, чем днем, когда оно бывает над горизонтом. Заговорили затем о мираже, о преломлении лучей солнца через воздух и т. д., и т. п., и в результате возник вопрос: может ли и самый мираж преломляться в воздухе и дать от себя второй мираж? Очевидно, может. А этот второй мираж может дать собой третий мираж, третий — четвертый и т. д. до бесконечности. Следовательно, возможно, что сейчас во вселенной гуляют те миражи, в которых отразились местности и даже люди и животные еще тысячи лет тому назад. Не на этом ли основаны привидения?

Жизнь в Мелихове начиналась очень рано. В 7 часов утра Антон Павлович уже садился за работу. Обедал в 12 часов дня, и затем весь дом погружался в послеобеденный сон. В то время я страдал бессонницами и, чтобы не бодрствовать ночью, старался

один из всех не ложиться спать после обеда. И вот сижу я в одно из таких послеобеда у самого дома на лавочке, вдруг выбегает Антон Павлович и как-то странно начинает ходить и тереть себе лоб и глаза.

— Что, опять дернуло? — обратился я к нему с вопросом.

— Нет, — ответил он. — Я видел сейчас страшный сон. Мне приснился черный монах.

Впечатление от этого сна было настолько сильно, что Антон Павлович еще долго не мог успокоиться и долго потом говорил о монахе, пока, наконец, не написал о нем свой известный рассказ.

Тут, конечно, не нужно указывать, какие именно мотивы запечатлелись навеки в этом рассказе. Тот, кто читал «Черного монаха», я думаю, поймет его происхождение и структуру, узнает в нем и «Валахскую легенду», и разговоры о миражах, и отца Иваненки.

Так сон, разговор о мираже, музыка — претворились в душе художника в великолепные образы.

Наконец третий яркий пример — это работа Чехова над повестью «Три года».

В записных книжках Чехова повесть «Три года» занесена едва ли не во всех наиболее характерных деталях.

«Киш — вечный студент».

«Зятю высылал деньги и после смерти сестре».

«Мальчиков в амбаре секли».

«Зять пил немного или ничего. Он не пропил, а проел состояние».

И так далее, и так далее.

Такими отрывистыми фразами писатель отмечает будущие детали своей повести.

Сравнивая эти записи в записной книжке и повесть «Три года», как она напечатана, мы видим огромную работу художника. Заметок очень много, но в повести их только часть. В окончательной отделке взыскательный художник взял немного, что действительно нужно в общей картине. Многое же отверг как лишнее или фальшивое, или нехарактерное.

По этим же записным книжкам мы видим неутомимую погоню писателя за характерными оттенками языка. Чехов всю жизнь изучал язык, тщательно собирал и записывал разговорную речь. Слова он брал отовсюду — и из обычной литературной речи, и из священного писания, которое он знал отлично, и из

разговоров, и из словарей (например из «словаря морских терминов»), и из ученых сочинений, и из каталогов.

И в значительной мере эта неутомимая погоня за характерным свежим словом и создала из произведений Чехова истинный источник настоящей русской речи — со всеми ее оттенками.

Но, цenia слово, Чехов был решительным врагом так называемых «высоких» слов. Он требовал от слова простоты, естественности и той милой житейской оригинальности, которая создает истинную красоту речи...

С годами требовательность к себе писателя возрастала больше и больше. Если прежде он писал по рассказу в день, то под конец жизни он писал по рассказу в полгода. Он множество раз переделывал их, шлифовал, — о былом писании «наотмазь» уже не было и намека.

Требование простоты и сжатости у него выросло во что-то непреложное.

Так Горькому он советовал:

«Читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определение существительных и глаголов. У нас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться, и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «Человек сел на траву». Это понятно, потому что ясно и не задерживает внимания. Наоборот неудобопонятно и тяжеловато для мозгов, если я пишу: «Высокий уакогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозгу, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду». И Горький следует этому совету — вычеркивает, сокращает...

Вот в общих чертах путь развития писательской работы Чехова. Простота, искренность, правда, неутомимый труд — его краеугольные камни.

Александр Яковлев